

Татъяна Николаева



Лето, море и любовь

Татьяна Николаева
Лето, море и любовь

«Автор»

2026

Николаева Т.

Лето, море и любовь / Т. Николаева — «Автор», 2026

Что ты выберешь, когда прошлое сжимает горло, а будущее пугает до дрожи? Бегство или битву? Одиночество или риск? Руслана сбежала к морю, чтобы забыть. Но рядом оказался тот, кто боится так же сильно, как она. Лето в Порт-Венто — это закаты, кофе, солёный ветер и время, когда два раненых сердца учатся самому страшному — доверять. Сможет ли она не сбежать? И что сильнее — страх или желание быть счастливой? **ВСЕ СОБЫТИЯ ВЫМЫШЛЕНЫ, ЛЮБЫЕ СОВПАДЕНИЯ СЛУЧАЙНЫ.**

© Николаева Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Татьяна Николаева

Лето, море и любовь

Глава 1

— Почему ты никогда меня не слушаешь? — чуть вскрикивая произнесла я, и мой собственный голос показался мне чужим, слишком высоким, слишком ломким, будто это говорила не я, а маленькая испуганная девочка, которая когда-то давно, в другой жизни, боялась повысить голос даже в споре с отцом. Слезы катились по моим щекам — горячие, быстрые, они оставляли за собой мокрые дорожки, щипали кожу в уголках губ, стекали за воротник футболки, и я даже не вытирала их, потому что поняла: бесполезно, они всё равно будут течь, пока я не скажу всё, что накопилось за эти долгие месяцы молчания, за эти бесконечные ночи, когда я лежала рядом с ним, смотрела в потолок и чувствовала, как между нами вырастает стена — кирпич за кирпичом, слово за невысказанным словом.

Он стоял напротив меня, прислонившись к косяку кухонной двери, и смотрел на мои слёзы с таким выражением, будто они были чем-то далёким, не имеющим к нему никакого отношения, — дождём за окном, который идёт сам по себе, не спрашивая разрешения, или телевизором, который кто-то забыл выключить. Его карие глаза — тёплые, янтарные, те самые, в которых я когда-то, три года назад, на дне рождения общей знакомой, утонула с головой, как в омуте, — теперь казались стеклянными, пустыми, и я с ужасом осознавала, что не могу найти в них ровно ничего: ни любви, ни жалости, ни даже раздражения — только глухую, непробиваемую отстранённость человека, который уже принял решение, уже всё для себя решил, уже упаковал свои вещи мысленно и сейчас просто наблюдает за моей агонией с нездоровым, почти садистским любопытством.

— Нет, Руслана. Это ты меня не слушаешь, — с раздражением ответил мне Марк, и его голос — низкий, бархатистый, тот самый, которым он когда-то шептал мне на ухо комплименты в три часа ночи, когда мы возвращались из кино и шли по пустынной набережной Москвы-реки, — теперь звучал как лезвие, которым аккуратно, с хирургической точностью, профессионал отделяет ненужное, отжившее от живого, ещё трепещущего. Он не повышал тона, он вообще редко повышал голос в ссорах, и это было страшнее любых криков, потому что в этой спокойной, почти ленивой интонации сквозило такое презрение, такая усталость, что мне хотелось забиться в угол, свернуться калачиком и просто исчезнуть, раствориться в воздухе, превратиться в дым, только бы не слышать этих слов, не видеть этого взгляда, не чувствовать, как моя любовь, моя вера, мои надежды разбиваются об его равнодушие, как волны о скалы.

Мы стояли в нашей маленькой московской двушке, которую снимали уже второй год — той самой, где каждая трещина на потолке была мне знакома, где на кухне постоянно подтекал кран, и Марк всё обещал его починить, но руки так и не дошли, а я уже привыкла подставлять под каплющую воду банку и слушать этот монотонный звук по ночам, когда не могла уснуть из-за тревоги, которая поселилась в груди ещё месяца три назад, когда он стал задерживаться на работе, когда его телефон зазвонил и он вышел из комнаты, чтобы ответить, когда запах её духов — дешёвых, приторных, цветочных — стал появляться на его рубашках, а я делала вид, что не замечаю, потому что боялась подтверждения, боялась услышать то, что и так уже знала сердцем. Я стояла посреди этой кухни — маленькой, тесной, пропахшей чесноком и кофе, с жёлтым, вечно моргающим светильником, который он обещал поменять ещё в прошлом году, когда мы затаскивали сюда ёлку и я чуть не упала с табуретки, пытаясь дотянуться до верхней полки, — и не понимала, как два человека, которые когда-то не могли дышать друг без друга,

которые засыпали в обнимку на этом узком диване, который мы нашли на «Авито» за копейки и который скрипел при малейшем движении, теперь задыхались в одном помещении, потому что каждое произнесённое слово резало, как битое стекло, оставляя глубокие, кровоточащие порезы на том, что ещё недавно было живым и тёплым.

— Я слушаю, Марк, — сказала я, и мой голос прозвучал тише, чем мне хотелось — почти шёпот, почти мольба, но я ненавидела себя за эту мольбу, потому что знала: он не из тех, кого можно разжалобить, он из тех, кто использует твою слабость как оружие, как дополнительный аргумент в свою пользу. — Я всегда тебя слушала. Всегда. Каждый день. Каждый час. Каждую минуту, когда мы были вместе.

Я замолчала на секунду, пытаюсь справиться с комком в горле, который рос и рос, мешая дышать, мешая говорить, и слёзы всё текли — по щекам, по подбородку, капали на футболку, оставляя тёмные пятна на серой ткани. Я вытерла их тыльной стороной ладони, но они приходили снова и снова, как будто внутри меня открылась какая-то плотина, которую я слишком долго держала, и теперь вода прорывалась сквозь все заслоны, сметая остатки самообладания, остатки гордости, остатки той девочки, которая когда-то думала, что любовь — это самое безопасное место на земле.

— Когда ты сказал, что мне не идёт красное платье — то самое, которое я купила на выпускной и в котором чувствовала себя королевой, — я улыбнулась, кивнула и больше никогда его не надела. Оно до сих пор висит у мамы в шкафу, в чехле, с лавандой от моли, потому что продать его у меня не поднялась рука — слишком много воспоминаний, слишком много счастливых моментов было связано с этим платьем, но ты сказал «нет», и для меня этого оказалось достаточно. Когда ты сказал, что моя подруга Катя плохо на меня влияет — Катя, с которой мы дружили с первого класса, которая держала меня за руку на похоронах бабушки и которая первая прибежала в больницу, когда у меня был аппендицит, — я перестала с ней общаться. Даже не спросила почему. Даже не попыталась возразить. Просто взяла и вычеркнула человека из жизни, потому что ты сказал, что так надо. Когда ты решил, что мне нужно уйти с работы, потому что «твой мужчина должен тебя обеспечивать» и что работа в кофейне — это несерьёзно, это не для будущей жены успешного человека, — я уволилась. Ушла из места, которое любила, от людей, которые стали мне семьёй, от возможности каждое утро вдыхать запах свежесваренного кофе и видеть благодарные глаза первых посетителей. Я слушала тебя. Всегда. Во всём. Я превратила свою жизнь в бесконечное «да», потому что боялась, что если скажу «нет», то потеряю тебя. А в итоге всё равно потеряла.

Мои слова повисли в воздухе тяжёлыми, мокрыми тряпками — я слышала, как они звучат, как падают на пол между нами, и понимала, что он не шевельнётся, не подойдёт, не обнимет, потому что тот Марк, который умел утешать, который целовал мои слёзы и говорил «всё будет хорошо», исчез давно — может быть, полгода назад, может быть, год, а может быть, его никогда и не было, а был только красивый фасад, за которым пряталась пустота и эгоизм.

Он слушал меня, скрестив руки на груди, и на его лице не дрогнул ни один мускул — как будто я рассказывала ему не о нашей общей жизни, а о погоде где-то далеко-далеко, в стране, в которой он никогда не был и не собирался бывать. Я искала в его глазах хоть что-то — боль, вину, сожаление, даже злость, что угодно, лишь бы не эту пугающую, ледяную пустоту, от которой становилось физически холодно, будто кто-то открыл окно посреди зимы. Но там не было ничего — только усталость, такая глубокая, такая древняя, как будто он нёс этот груз отношений не два года, а две сотни лет, и я была не девушкой, которую он когда-то любил, а тяжёлым камнем на его шее, который он наконец-то решил сбросить.

— Ты всё передёргиваешь, — сказал он ледяным тоном, и этот тон был страшнее любого крика, страшнее любого оскорбления, потому что в нём слышалось что-то окончательное, бесповоротное, как приговор суда, который даже не подлежит обжалованию. — Я тебя не заставлял. Ты сама хотела. Ты всегда сама хотела быть такой — удобной, покладистой, сговорчивой.

Это не я тебя просил носить серое вместо красного. Это не я тебя просил дружить с теми, с кем я разрешил. Это ты сама каждое утро просыпалась и принимала решение быть тенью. А теперь вдруг решила, что я виноват в твоей нерешительности? В твоей трусости? В том, что ты не умеешь отстаивать свои границы и говорить «нет», даже когда тебе больно?

Каждое его слово было маленькой иглой, которую он втыкал в меня методично, безжалостно, профессионально — вот в сердце, вот в солнечное сплетение, вот прямо между лопаток, туда, где прячется детский страх, что ты недостаточно хороша, недостаточно смела, недостаточно любима. Я хотела возразить, хотела закричать, что он не прав, что он манипулирует фактами, что он перекладывает свою вину на меня, но в горле застрял ком, и я не могла выдавить ни звука — только стояла и смотрела на него, чувствуя, как по щекам снова текут слёзы, горячие, солёные, бесконечные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.